

УДК 159.9

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ДИНАМИЧЕСКАЯ ИЕРАРХИЧЕСКАЯ СИСТЕМА: СОЦИАЛЬНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ФОРМИРОВАНИЯ

Михаил С. Яницкий^{1. @}, Андрей В. Серый^{1. @}, Ольга А. Браун¹, Юрий В. Пелех², Ольга В. Маслова³, Марина В. Сокольская⁴, Римма Д. Санжаева⁵, Арюна Р. Монсонова⁵, Соелма Б. Дагбаева⁶, Юлия Ю. Неяскина⁷, Руслан В. Кадыров⁸, Татьяна В. Капустина⁸

¹ Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

² Академия им. Яна Длугоша, 42-200, Польша, г. Ченстохова, ul. Waszyngtona, 4/8

³ Российский университет дружбы народов, 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

⁴ Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, Россия, ГСП-4, г. Москва, ул. Образцова, 9

⁵ Бурятский государственный университет, 670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24А

⁶ Забайкальский государственный университет, 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

⁷ Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, 683032, Россия, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 4

⁸ Тихоокеанский государственный медицинский университет, 690002, Россия, г. Владивосток, пр-т Острякова, 2

@ direktorspi@kemsu.ru

Поступила в редакцию 05.04.2018. Принята к печати 09.06.2018.

Ключевые слова:

Идентичность, образ Я, социокультурная среда, молодежь, студенты.

Аннотация: В соответствии с методологией конструктивистского подхода идентичность личности, выражающаяся в уникальном образе Я, рассматривается как динамическая иерархическая система. В рамках данного подхода на основе результатов применения теста М. Куна и Т. Макпартленда осуществлена разработка и апробация специального опросника, позволяющего установить ранг значимости 16 категорий, отражающих социально-ролевые компоненты идентичности в основных сферах жизнедеятельности, и тем самым представить индивидуальную или групповую структуру идентичности как упорядоченную иерархию. На выборке из 1251 студента, различающихся по полу, возрасту, национальности, религии, региону проживания и профессиональной направленности обучения, доказано значение принадлежности к соответствующей социальной или культурной группе для формирования иерархии компонентов идентичности. Установлено, что наибольшее значение для ранга компонентов идентичности имеет гендерная и профессиональная принадлежность, а также в меньшей степени принадлежность к этноконфессиональной группе и регион проживания исследуемых. Принадлежность к той или иной социокультурной группе во всех случаях является важной дифференцирующей характеристикой, определяя различия значимости соответствующего основания идентичности в иерархии. При этом социокультурная принадлежность в большинстве случаев одновременно оказывает влияние на ранг значимости не менее половины других компонентов идентичности, тем самым определяя общую структуру идентичности. В заключение делается вывод о том, что принадлежность студентов к конкретной гендерной, учебно-профессиональной, этнической, конфессиональной или региональной социокультурной среде выступает важной детерминантой формирования иерархии образов, определяющей особенности и структуру идентичности личности.

Для цитирования: Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Пелех Ю. В., Маслова О. В., Сокольская М. В., Санжаева Р. Д., Монсонова А. Р., Дагбаева С. Б., Неяскина Ю. Ю., Кадыров Р. В., Капустина Т. В. Идентичность как динамическая иерархическая система: социальный и культурный контекст формирования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 131–140. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-131-140>.

Введение

Самосознание и отношение к себе традиционно рассматриваются как результат социально детерминированного развития. Очевидно, что в качестве социальных детерминант развития личности может рассматриваться ее принадлежность к той или иной гендерной, поколенческой, этнической, конфессиональной, профессиональной или локальной общности. Социальная принадлежность определяет особенности среды, в ко-

торой происходит становление идентичности, результатом чего является формирование уникального образа Я. В этой связи процесс идентификации невозможно рассматривать в отрыве от социального и культурного контекста развития личности.

В классическом понимании идентичность рассматривается как элемент Я-концепции, отвечающий за целостность и самоидентичность личности. Начиная с концепции Э. Эриксона, получила признание

идея о множественности «Я», и, соответственно, возник вопрос о структуре и компонентах идентичности. Э. Эриксон выделял в структуре идентичности два взаимосвязанных компонента: личностную (персональную) и социальную идентичность [1]. Подобная модель идентичности, конкретизируемая в работах А. Тэшфела, Дж. Тернера, Р. Брауна и др. [2; 3], до сих пор является базовой для большинства исследований, в которых идентичность может изучаться как с позиции психологии личности, так и в рамках социальной психологии.

Во второй половине XX в. объектом исследований часто являлись отдельные виды социальной идентичности: гендерная, профессиональная, религиозная, этническая и т.д. Однако в настоящее время, по словам К. Э. Разлогова, наблюдается отчетливый переход от «эксклюзивности» в понимании идентичности к идентичности «по определению множественной, соответствующей характеру современной жизни и разнообразию культурных сообществ (от профессиональных и социально-демографических групп до групп по интересам)» [4, с. 28]. В психологии в соответствии с постнеклассической методологией акцент все чаще делается на достаточно широком контексте формирования и трансформации идентичности и образа Я. Так, D. Oyserman, M. Destin и S. Novin в своем исследовании выявляют связь позитивного / негативного социального контекста с оценкой образа Я [5]. R. Jaspal, M. Cinnirella расширяют контекст воздействий на идентификационные процессы, вводя в него представления об окружающей среде [6]. Указывая на значимость средовых факторов в идентификационных процессах, О. И. Муравьева, С. А. Литвина и С. А. Богомаз определяют среду как ментальное пространство, основными измерениями которого являются ценности, место и время, рассматриваемые как психологические характеристики [7]. Очевидно, что исследование характера влияния отдельных средовых факторов и всей их совокупности на идентичность и образ Я личности определяют необходимость разработки более сложной, многомерной модели идентичности.

Как пишет Е. П. Белинская, в настоящее время формируется консенсус исследователей в отношении множественности идентичностей, одним из положений которого является «общее для постнеклассической парадигмы понимание Я как принципиально неунитарного (постоянно изменчивого, множественного и т.п.)» [8, с. 12]. Однако, как отмечает Т. Г. Стефаненко, несмотря на имеющиеся зарубежные и отечественные исследования, указывающие на множественность оснований идентичности и ее гетерогенность, исследователи в большинстве случаев не описывают иерархические отношения между компонентами идентичности, и работ, раскрывающих иерархическую структуру идентичности, все еще очень немного [9, с. 11–14].

Еще одним актуальным трендом в изучении рассматриваемого феномена является смещение фокуса внимания на проблему изменчивости / устойчивости идентичности, на значение идентичности для личности и общества в ситуации неопределенности, на проявления кризиса идентичности в ситуации со-

циальных изменений. Как пишет Т. Д. Марцинковская, проблема идентичности всегда актуализируется в сознании и ученых, и общества в периоды слома, кризиса, неопределенности, в моменты актуализации вопросов о нормах, ценностях и эталонах будущего [10]. Проведенные нами ранее исследования показывают, что существенные изменения жизненной ситуации, приводящие одновременно к изменению системы ценностно-смысловых ориентаций и временной перспективы личности, выступают одним из факторов трансформации структуры идентичности [11–13].

Повышение интереса к изучению идентификационных процессов обусловлено рядом особенностей постмодернистского общества, таких как усиление миграционных процессов, возросшая мобильность населения, глобализация, распространение анонимного интернет-общения, дающего возможность «примерять» новые социальные роли и идентичности и т.д. Как отмечают Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева и Е. Н. Загоруйко, «современная идентичность (self) перегружена всевозрастающей необходимостью исполнять в совершенстве множество социальных ролей» [14, с. 7]. По словам Н. В. Дмитриевой и Н. А. Самойлик, глобальные изменения эпохи постмодерна не могли не отразиться на становлении идентичности постсовременного человека, которую они определяют как «постмодернистский сэлф», отличающийся фрагментарностью и конфликтами между субидентичностями [15]. Соответственно, в постмодернистском обществе актуализируется четкий запрос на исследование не столько онтологии идентичности, сколько кризисных проявлений в данной области.

Как указывает Е. П. Белинская, кризис идентичности в наше время уже перешел за некие нормативно-возрастные рамки и стал частью всего современного общества [8]. Тем не менее обозначенные проблемы, по нашему мнению, особенно значимы для формирующейся личности, находящейся на этапе становления идентичности, и прежде всего – для студенческой молодежи. Как известно, период обучения в вузе, соответствующий стадиям «отрочество» и «молодость» в периодизации Э. Эриксона, является ключевым для развития идентичности. Помимо изменения социального статуса, период обучения становится для многих студентов временем начала самостоятельной жизни, интимных и семейных отношений, трудовой деятельности, периодом знакомства с профессиональной культурой. Все это приводит к тому, что за относительно короткий период система идентичности подвергается воздействию множества факторов, способствующих ее трансформации [16]. При этом остается неясным, какие именно средовые факторы определяют выбор молодежью преимущественных оснований идентичности в условиях их множественности и изменчивости. В этой связи целью нашего исследования являлось изучение влияния социальной и культурной принадлежности студентов на формирование иерархии компонентов их идентичности.

Методы

В исследовании приняли участие 1251 студент различных вузов, в том числе 839 девушек и 412 юношей. Возраст исследуемых находился в диапазоне от 16 до 35 лет. Для проведения сравнительного анализа общая выборка была разбита на возрастные когорты в соответствии с периодизацией И. Ю. Кулагиной: ранняя юность (16–17 лет) – 126 человек; собственно юность (18–19 лет) – 616; поздняя юность (20–23 года) – 474; зрелость (24 и старше) – 34. По этнической принадлежности исследуемая группа включала 892 русских, 139 бурят, 125 украинцев, 95 представителей остальных национальностей (в основном малых коренных народов и мигрантов из ближнего зарубежья). По конфессиональной принадлежности в исследуемой группе наиболее широко представлены православные – 510 человек; последователи иных религий (преимущественно другие христианские конфессии, мусульмане и буддисты) – 261; лица, считающие себя верующими, но не относящие себя к какой-либо определенной конфессии – 244; атеисты – 233. В зависимости от города проживания респонденты отнесены к одному из следующих регионов: Сибирь (Кемерово, Чита, Улан-Удэ) – 515 человек; Дальний Восток (Хабаровск, Владивосток, Петропавловск-Камчатский) – 462; Центральная Россия (преимущественно Москва и Московская область) – 157; Украина (Ровно, Хмельницкий, Тернополь и др.) – 117. По профилю обучения исследуемые разделились на социально-гуманитарную (659 студентов), а также естественнонаучную и техническую учебно-профессиональные группы (573 студента).

Принадлежность респондентов к той или иной социальной и культурной среде оценивалась методом анкетного опроса, включавшего закрытые вопросы о поле, возрасте, национальности, вероисповедании, месте проживания и профиле обучения.

Для изучения структуры идентичности и значимости ее отдельных компонентов использовался специальный опросник, разработанный нами на основе многолетнего опыта применения теста «Двадцати утверждений самоотношения» М. Куна и Т. Макпартленда. Поскольку задачей исследования было выявление групповых универсалий в самоописаниях (т. е. промежуточного и высшего уровней самокатегоризации в терминологии Дж. Тернера), в качестве индикатора личностной идентичности предлагался только один вариант – «Я как уникальная личность», все остальные элементы опросника касались «Социального Я» и «Коммуникативного Я» в терминологии Т. В. Румянцева [17]. Таким образом, изучались компоненты образа Я, отражающие прямое обозначение пола; учебно-профессиональную ролевую позицию; семейную принадлежность, проявляющуюся через обозначение семейной роли; этническо-региональную идентичность, включающую в себя этническую идентичность, гражданство и локальную, местную идентичность; мировоззренческую идентичность (конфессиональную принадлежность); групповую принадлежность. Помимо перечисленного, в опросник вошла категория «Я как представитель вида *Homo sapiens*», являющаяся

эквивалентом часто используемого респондентами при заполнении теста М. Куна и Т. Макпартленда ответа «Я человек», позволяющая оценить представленность высшего уровня самокатегоризации. Также был предусмотрен вариант «Другое» для самокатегоризаций, не вошедших в предлагаемый нами список (основные определения в этом случае касались личностных характеристик или хобби).

В результате для оценки испытуемым предлагался список из 16 категорий, отражающих, в первую очередь, социально-ролевые компоненты идентичности в основных сферах жизнедеятельности, выделенных Т. В. Румянцева (семья, работа, учеба, досуг, интимно-личностные отношения, отдых):

- Я как профессионал (будущий профессионал);
- Я как студент;
- Я как мужчина / женщина;
- Я как сын / дочь;
- Я как муж / жена (будущий муж / жена);
- Я как уникальная личность;
- Я как представитель своего народа;
- Я как гражданин своей страны;
- Я как житель данного города;
- Я как отец / мать (будущий отец / мать);
- Я как представитель молодежи;
- Я как член неформальной группы;
- Я как друг / подруга;
- Я как последователь своей религии;
- Я как представитель вида *Homo sapiens*;
- Другое.

Исследуемым предлагалась следующая инструкция: «Перед вами несколько элементов, входящих в представления о себе любого человека. Проранжируйте их, пожалуйста, от 1 до 16 по степени важности для Вас в настоящий момент. Так, наиболее важная характеристика получит цифру 1, а наименее важная – 16».

Оценивая результаты заполнения данного опросника, мы исходили из того, что чем меньше ранг, чем он ближе к единице, тем больше субъективная значимость и степень осознанности данной категории. Достоверность различий значимости компонентов идентичности в описываемых группах определялась при помощи Н-критерия Крускала-Уоллиса, U-критерия Манна-Уитни; средний ранг компонентов идентичности – при помощи описательных статистик в программе Statistica 10.

Результаты

Задачами исследования было рассмотрение идентичности как иерархической системы и сравнение иерархий идентичности в группах студентов, дифференцированных по полу, возрасту, национальности, религии, региону проживания и профессиональной направленности обучения.

Как следует из анализа полученных данных, по своей значимости рассматриваемые компоненты идентичности в исследуемой группе представляют следующую иерархическую последовательность образов Я: сын / дочь (средний ранг значимости 4,38); муж-

чина / женщина (5,12); личность (5,32); профессионал (5,88); студент (6,13); муж / жена (6,83); друг / подруга (7,54); отец / мать (7,82); гражданин своей страны (8,67); представитель своего народа (8,80); представитель молодежи (9,80); житель своего города (10,22); представитель вида Homo sapiens (10,29); последователь своей религии (11,67); член неформальной группы (12,74); другое (14,64). При этом иерархия компонентов идентичности обнаруживает определенные особенности в зависимости от принадлежности к той или иной социокультурной общности.

Так, гендерная принадлежность существенно влияет на структуру идентичности – достоверные различия между группами юношей и девушек обнаружены в значимости 12 из 16 рассматриваемых компонентов идентичности (таблица 1). Для юношей наиболее важным основанием собственной идентичности является сама половая принадлежность, также для них достоверно более значимы профессиональные, гражданские, этнические и региональные компоненты идентичности. Для девушек, напротив, отчетливо более существенны семейно-ролевые основания идентичности – образ себя как дочери, жены или матери.

Таблица 1. Иерархия компонентов идентичности юношей и девушек (средние ранги)
Table 1. The hierarchy of identity components of males and females (average ranks)

Компоненты идентичности (общая p; значение критерия U)	Гендерная группа	
	Мужчины (n=462)	Женщины (n=839)
Я как мужчина / женщина (p=0,0153; U=154413,5)	4,85	5,24
Я как сын / дочь (p<0,0001; U=139722,0)	5,00	4,09
Я как профессионал (p<0,0001; U= 144485,5)	5,31	6,17
Я как личность (p=0,0229; U=155303,5)	5,70	5,15
Я как муж / жена (p=0,0064; U=152405,0)	7,21	6,64
Я как отец / мать (p=0,0068; U=152698,5)	8,24	7,61
Я как гражданин своей страны (p=0,018; U=154774,5)	8,31	8,85
Я как представитель своего народа (p=0,0092; U=152954,0)	8,45	8,97
Я как представитель вида Homo sapiens (p=0,0163; U=153978,0)	9,75	10,56
Я как житель своего города (p=0,0349; U=156277,0)	9,88	10,39
Я как последователь своей религии (p<0,000; U=143446,0)	12,06	11,48
Я как член неформальной группы (p=0,03; U=156351,5)	12,46	12,88

Прим.: Здесь и далее в таблицах приведены только статистически значимые различия между описываемыми группами.

Полученные результаты демонстрируют определенную возрастную динамику иерархии компонентов идентичности в период обучения в вузе (таблица 2). Так, по мере взросления закономерно снижается значимость восприятия себя как представителя молодежи, а также как представителя вида Homo sapiens, и одновременно последовательно растет значимость иденти-

фикации с жителями своего города. Наибольшей специфичностью структуры идентичности характеризуется молодежь в возрасте 20–23 года. Для респондентов этой группы повышается значимость восприятия себя как мужчины / женщины и мужа / жены, что, очевидно, связано с возникновением в этом возрасте постоянных интимных и семейных отношений.

Таблица 2. Иерархия компонентов идентичности представителей разных возрастных групп (средние ранги)
Table 2. The hierarchy of identity components according to age group (average ranks)

Компоненты идентичности (общая p; значение критерия H)	Достоверность различий в группах	Возраст, лет			
		1	2	3	4
		16–17 (n=126)	18–19 (n=616)	20–23 (n=474)	≥ 24 (n=34)
Я как мужчина / женщина (p<0,0001; H=30,816)	1–3 (p<0,0001) 2–3 (p=0,0003)	6,24	5,33	4,56	5,06
Я как муж / жена (p=0,01; H=11,34)	1–3 (p=0,006)	7,83	6,89	6,48	6,73

Компоненты идентичности (общая p; значение критерия Н)	Достоверность различий в группах	Возраст, лет			
		1	2	3	4
		16–17 (n=126)	18–19 (n=616)	20–23 (n=474)	≥ 24 (n=34)
Я как представитель вида Homo sapiens (p=0,0036; N=13,54)	1–2 (p=0,03) 1–3 (p=0,002)	8,65	10,25	10,78	10,15
Я как представитель молодежи (p=0,015; N=10,448)	2–4 (p=0,014) 3–4 (p=0,03)	9,97	9,65	9,85	11,39
Я как житель своего города (p=0,0064; N=12,3)	1–3 (p=0,023)	10,77	10,35	9,94	9,79

Иерархии компонентов идентичности представителей различных этнических групп оказались достаточно сходными: наиболее приоритетными являются представления о себе как о сыне / дочери, мужчине / женщине и как об уникальной личности; наименее значим образ себя как члена неформальной группы (таблица 3). Одновременно в иерархии компонентов идентичности бурят и представителей других этнических меньшинств заметно более высокий ранг значимости

занимают их этноконфессиональные особенности. Для русских и украинцев, представляющих на своей территории этническое большинство, эти характеристики менее значимы. Особенностью структуры идентичности украинцев является большая по сравнению со всеми остальными приоритетность семейно-ролевых оснований идентификации, а также представление о себе как об уникальной личности, отражающее, вероятно, большую ориентацию на индивидуалистические культуры.

Таблица 3. Иерархия компонентов идентичности представителей разных этнических групп (средние ранги)
Table 3. The hierarchy of identity components of different ethnic groups (average ranks)

Компоненты идентичности (общая p; значение критерия Н)	Достоверность различий в группах	Этническая группа			
		1	2	3	4
		Русские (n=892)	Буряты (n=139)	Украинцы (n=125)	Другие (n=95)
Я как сын / дочь (p=0,0085; N=11,7)	1–3 (p=0,0074)	4,52	4,04	3,49	4,73
Я как мужчина / женщина (p=0,0009; N=16,487)	1–2 (p=0,0005)	4,93	6,11	4,82	5,83
Я как личность (p=0,0063; N=12,339)	2–3 (p=0,0034)	5,32	5,84	4,62	5,61
Я как отец / мать (p=0,0069; N=12,135)	2–3 (p=0,01)	7,74	8,58	6,98	8,39
Я как представитель своего народа (p<0,0001; N=28,73)	1–2 (p<0,0001) 2–3 (p=0,0001)	8,99	7,50	9,27	8,30
Я как представитель молодежи (p=0,012; N=10,87)	1–2 (p=0,024) 2–3 (p=0,05) 2–4 (p=0,04)	9,89	10,55	9,62	9,48
Я как представитель вида Homo sapiens (p=0,0031; N=13,84)	1–3 (p=0,013)	10,09	9,88	11,67	11,01
Я как последователь своей религии (p<0,0001; N=81,31)	1–2 (p<0,0001) 1–3 (p=0,0003) 2–3 (p=0,02) 2–4 (p=0,0032)	12,21	9,45	10,98	10,64
Я как член неформальной группы (p<0,0001; N=33,98)	1–2 (p=0,001) 1–3 (p=0,003) 2–4 (p<0,0001) 3–4 (p=0,0002)	12,58	13,64	13,72	11,73

Анализ иерархии компонентов идентичности в профессиональных группах выявил особенности, сходные с различиями между этническими группами (таблица 4). Так, для представителей религиозного меньшинства отчетливо более важна своя религиозная и этническая принадлежность, в то время как для православных, «внеконфессиональных верующих» и атеистов эти компоненты гораздо менее значимы. По ряду компонентов также обнаруживаются полярные различия между представителями православного большинства и атеистами – для православных наиболее существенны собственные полоролевые характеристики; для атеистов достоверно более высокий ранг значимости имеет образ себя как представителя молодежи и вида *Homo sapiens*.

Жители отдельных регионов обнаружили существенные отличия в структуре идентичности (таблица 5). Значимость восприятия себя как представителя молодежи и жителя своего города наиболее характерна для проживающих на Дальнем Востоке, что может объясняться выраженной спецификой городской социокультурной среды, как, например, в Петропавловске-Камчатском. Для жителей Украины образ себя как

жителя своего города, напротив, наименее существенен. Важность представления о себе как об уникальной личности последовательно снижается от центра к «глубинке», достаточно четко отражая особенности менталитета жителей мегаполиса и провинции. В то же время жители Сибири отличаются наибольшей значимостью компонента идентичности, соответствующего высшему уровню самокатегоризации – образа себя как представителя вида *Homo sapiens*.

Профиль обучения, отражающий выбор будущей профессиональной группы, с которой студенты идентифицируются в период пребывания в вузе, оказался важным дифференцирующим фактором (таблица 6). Как видно из полученных результатов, для студентов естественнонаучного профиля более свойственны общие, неспецифические компоненты идентичности, такие как семейные и социальные роли. Для студентов социально-гуманитарного профиля, напротив, более значимы собственные учебно-профессиональные, а также этнические и гражданские основания идентичности, что может объясняться актуализацией данных характеристик в процессе социального и гуманитарного образования.

Таблица 4. Иерархия компонентов идентичности представителей разных конфессиональных групп (средние ранги)
Table 4. The hierarchy of identity components of different confessions (average ranks)

Компоненты идентичности (общая p ; значение критерия H)	Достоверность различий в группах	Конфессиональная группа			
		1	2	3	4
		Православные ($n=510$)	Другие ($n=261$)	Внеконфессиональные верующие ($n=244$)	Атеисты ($n=233$)
Я как мужчина / женщина ($p=0,0001$; $H=21,234$)	1–2 ($p=0,0001$) 2–3 ($p=0,0014$) 2–4 ($p=0,013$)	4,81	6,04	4,86	5,03
Я как муж / жена ($p=0,0003$; $H=19,05$)	1–4 ($p=0,0003$) 3–4 ($p=0,009$)	6,40	7,22	6,56	7,60
Я как отец / мать ($p<0,0001$; $H=23,86$)	1–2 ($p=0,0007$) 1–4 ($p=0,001$) 2–3 ($p=0,034$) 3–4 ($p=0,036$)	7,31	8,54	7,45	8,50
Я как представитель своего народа ($p=0,0003$; $H=19,18$)	1–2 ($p=0,002$) 2–3 ($p=0,015$) 2–4 ($p=0,0004$)	8,96	8,04	8,94	9,18
Я как представитель молодежи ($p=0,0065$; $H=12,28$)	1–4 ($p=0,017$) 2–4 ($p=0,019$)	10,03	10,08	9,57	9,23
Я как представитель вида <i>Homo sapiens</i> ($p=0,031$; $H=8,902$)	1–4 ($p=0,018$)	10,64	10,20	10,22	9,67
Я как последователь своей религии ($p<0,0001$; $H=163,35$)	1–2 ($p<0,0001$) 1–3 ($p=0,0034$) 1–4 ($p<0,0001$) 2–3 ($p<0,0001$) 2–4 ($p<0,0001$) 3–4 ($p<0,0001$)	11,62	9,49	12,35	13,51
Я как член неформальной группы ($p=0,0098$; $H=11,38$)	1–4 ($p=0,03$)	13,03	12,87	12,49	12,27

Таблица 5. Иерархия компонентов идентичности жителей разных регионов (средние ранги)

Table 5. The hierarchy of identity components of residents of various regions (average ranks)

Компоненты идентичности (общая p; значение критерия H)	Достоверность различий в группах	Регион проживания			
		1	2	3	4
		Дальний Восток (n=462)	Сибирь (n=515)	Центральная Россия (n=157)	Украина (n=117)
Я как сын / дочь (p=0,0022; H=14,63)	1-4 (p=0,025) 3-4 (p=0,0012)	4,57	4,34	4,72	3,43
Я как мужчина / женщина (p=0,039; H=13,36)	1-2 (p=0,004)	4,80	5,42	5,33	4,81
Я как личность (p<0,0001; H=31,66)	1-3 (p=0,004) 2-3 (p<0,0001) 2-4 (p=0,0008)	5,40	5,76	4,31	4,50
Я как студент (p=0,030; H=8,93)	1-3 (p=0,04) 2-3 (p=0,027)	6,01	6,02	6,95	5,97
Я как представитель молодежи (p=0,0001; H=22,016)	1-2 (p<0,0001)	9,31	10,28	9,63	10,01
Я как житель своего города (p=0,0004; H=18,20)	1-2 (p=0,011) 1-4 (p=0,001)	9,79	10,42	10,29	10,97
Я как представитель вида Homo sapiens (p<0,0001; H=23,81)	1-2 (p=0,003) 2-4 (p=0,0001)	10,77	9,50	10,29	11,77
Я как член неформальной группы (p=0,0002; H=19,72)	1-4 (p=0,003) 2-4 (p=0,007) 3-4 (p=0,0001)	12,58	12,74	12,38	13,94
Я как последователь своей религии (p<0,000; H=84,55)	1-2 (p<0,0001) 1-3 (p=0,005) 1-4 (p<0,0001) 3-4 (p=0,029)	12,71	10,98	11,54	10,72

Таблица 6. Иерархия компонентов идентичности представителей разных учебно-профессиональных групп (средние ранги)

Table 6. The hierarchy of identity components of representatives of different educational and professional groups (average ranks)

Компоненты идентичности (общая p; значение критерия U)	Учебно-профессиональная группа	
	1	2
	Социогуманитарная (n=659)	Естественнонаучная и техническая (n=573)
Я как профессионал (p<0,0001; U=157857,0)	5,42	6,30
Я как мужчина / женщина (p<0,0001; U=153039,5)	5,64	4,68
Я как личность (p<0,0001; U=151965,5)	5,85	4,87
Я как студент (p=0,049; U=173146,5)	5,94	6,27
Я как муж / жена (p=0,0197; U=170641,0)	7,08	6,58
Я как друг / подруга (p=0,0009; U=165174,0)	7,9	7,20
Я как отец / мать (p=0,0158; U=170393,0)	8,11	7,54
Я как гражданин своей страны (p=0,0058; U=168337,0)	8,38	8,94
Я как представитель своего народа (p=0,0131; U=169484,5)	8,52	9,02
Я как представитель вида Homo sapiens (p=0,0031; U=166964,0)	9,73	10,76
Я как представитель молодежи (p=0,0040; U=167337,0)	10,13	9,58
Я как последователь своей религии (p=0,014; U=170223,5)	11,42	11,90

Обсуждение

При рассмотрении феномена идентичности мы придерживаемся конструктивистского подхода и представлений о множественности образов Я. Приведенные результаты подтверждают, что идентичность личности представляет собой сложную многомерную систему, где ее основные структурные компоненты, выступающие основаниями идентификации, иерархически выстроены. По нашему мнению, идентичность личности представляет собой систему взаимосвязанных представлений о себе, причем разные элементы этой системы имеют разную субъективную значимость. Условно говоря, существуют центральные – ядерные элементы, которые тесно связаны с ценностно-смысловой сферой личности, ее направленностью. Эти элементы относительно константны и их функция заключается в сохранении целостности личности. Изменение таких ядерных элементов происходит в результате значимых событий и приводит к трансформации образа Я. Периферические элементы системы идентичности более подвижны. Их изменения носят эволюционный характер и связаны с приспособлением личности к актуальной социальной среде. Таким образом, идентичность рассматривается нами как иерархическая система, все компоненты которой тесно взаимосвязаны.

Одновременно система идентичности имеет изменчивый характер и, соответственно, рассматривается нами как динамическая. Мы полагаем, что элементы идентичности, формирующиеся раньше, являются наиболее устойчивыми, а динамика системы идентичности в целом идет по направлениям усложнения структуры и детализации содержания.

Особенности идентичности как иерархической динамической системы определяются принадлежностью к той или иной социокультурной среде, где осуществляется принятие норм и ценностей соответствующей группы, с членами которой личность себя идентифицирует. Полученные в настоящем исследовании результаты свидетельствуют, что наибольшее значение для формирования иерархии компонентов идентичности студенческой молодежи имеет ее гендерная и профессиональная принадлежность, влиянию которой подвержены три четверти компонентов идентичности. Несколько менее значима принадлежность к той или иной этно-региональной группе, определяющая ранг

половины оцениваемых параметров. На последнем месте в ряду рассмотренных в данном исследовании социально-средовых факторов находится принадлежность к конкретной возрастной общности, определяющая различия значимости лишь трети компонентов идентичности. Вероятно, это связано с относительной близостью выделяемых здесь возрастных групп, по сути относящихся к одному студенческому возрасту, и не являющихся поколенческими когортами. Принадлежность к той или иной социокультурной группе во всех случаях является важной дифференцирующей характеристикой, определяя различия значимости соответствующего основания идентичности в иерархии – так, профессиональная принадлежность определяет значимость профессионального компонента образа Я и т. д. При этом социокультурная принадлежность в большинстве случаев одновременно обнаруживает взаимосвязь с рангом значимости не менее половины других компонентов образа Я, тем самым определяя общую структуру идентичности.

Выводы

Результаты настоящего исследования подтверждают и конкретизируют представление об идентичности личности как о сложной иерархической и динамической системе, в качестве основных структурных элементов которой выступают компоненты образа Я, отражающие результат идентификации одновременно с различными социальными группами.

Разработанный нами на основе представления о множественности и изменчивости идентичности опросник продемонстрировал свою применимость для изучения индивидуальной и групповой иерархии компонентов образа Я, а также для оценки влияния на структуру идентичности личности тех или иных социально-средовых факторов.

Полученные с использованием этого опросника результаты свидетельствуют, что принадлежность к конкретной гендерной, учебно-профессиональной, этнической, конфессиональной или региональной социокультурной среде выступает важной детерминантой становления иерархии социально-ролевых компонентов идентичности личности в студенческом возрасте и тем самым особенностей и структуры идентичности формирующейся личности.

Литература

1. Эрикссон Э. Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
2. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior // *Psychology of intergroup relations*. Chicago: Nelson Hall, 1986. P. 7–24.
3. Brown R. J., Hinkle S., Ely P. G., Fox-Cardamone L., Maras P., Taylor L. A. Recognising Group Diversity Individualist Collectivist and Autonomous Relational Social Orientations and their Implications for Intergroup Processes // *British Journal of Social Psychology*. 1992. Vol. 318. P. 327–342.
4. Разлогов К. Э. Метаморфозы идентичности // *Вопросы философии*. 2015. № 7. С. 28–40.
5. Oyserman D., Destin M., Novin S. The context-sensitive future self: possible selves motivate in context, not otherwise // *Self and identity*. 2014. Vol. 14. № 2. P. 173–188.
6. Jaspal R., Cinnirella M. The construction of ethnic identity: Insights from identity process theory // *Ethnicities*. 2012. Vol. 12. № 5. P. 503–530.

7. Муравьева О. И., Литвина С. А., Богомаз С. А. Средовая идентичность: содержание понятия // Сибирский психологический журнал. 2015. № 58. С. 136–148.
8. Белинская Е. П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 12.
9. Стефаненко Т. Г. Изучение идентификационных процессов в психологии и смежных науках // Трансформация идентификационных структур в современной России. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 11–29.
10. Марцинковская Т. Д. Методология современной психологии: смена парадигм?! // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 36. С. 1.
11. Серый А. В., Яницкий М. С. Смысловые аспекты переживания кризиса социальной идентичности при вынужденной смене жизненной ситуации // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 43. С. 12.
12. Мазуркевич А. В., Яницкий М. С., Серый А. В. Темпоральные аспекты трансформации ценностной структуры самоидентичности в условиях кардинальных изменений жизненной ситуации // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. № 3. С. 104–122.
13. Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А. Особенности иерархии составляющих образа Я в зависимости от принадлежности к этническому большинству либо меньшинству // Луриевский подход в мировой психологической науке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 154–155.
14. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В., Загоруйко Е. Н. Идентичность. Развитие. Перенасыщенность. Бегство. Новосибирск: Издательство НГПУ, 2007. 472 с.
15. Дмитриева Н. В., Самойлик Н. А. Кризис идентичности: феноменология переживания. Новосибирск: Издательство НГПУ, 2013. 233 с.
16. Браун О. А., Аркузин М. Г. Динамика системы идентичности личности студентов-психологов // Комплексные исследования человека: психология: материалы VII сибирского психологического форума. Томск: Томский государственный университет, 2017. Ч. 1. С. 30–33.
17. Румянцева Т. В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. СПб.: Речь, 2006. 176 с.

IDENTITY AS A DYNAMIC HIERARCHICAL SYSTEM: SOCIAL AND CULTURAL CONTEXT OF FORMATION

Mikhail S. Yanitskiy^{1, @}, *Andrey V. Seryy*¹, *Olga A. Braun*¹, *Yurii V. Pelekh*², *Olga V. Maslova*³, *Marina V. Sokolskaya*⁴, *Rimma D. Sanzhaeva*⁵, *Aryuna R. Monsonova*⁵, *Soelma B. Dagbaeva*⁶, *Yulia Yu. Neyaskina*⁷, *Ruslan V. Kadyrov*⁸, *Tatiana V. Kapustina*⁸

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

² Akademia im. Jana Długosza, 4/8, Waszyngtona St., Czestochowa, Polska, 42-200

³ Peoples Friendship University of Russia, 6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russia, 117198

⁴ Russian University of Transport (MIIT), 9, Obraztsova St., Moscow, GSP-4, Russia, 127994

⁵ Buryat State University, 24A, Smolina St., Ulan-Ude, Russia, 670000

⁶ Transbaikalian State University, 30, Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, Russia, 672039

⁷ Vitus Bering Kamchatka State University, 4, Pogranichnaya St., Petropaulovsk-Kamchatskiy, Russia, 683032

⁸ Pacific State Medical University, 2, Ostryakov Ave., Vladivostok, Russia, 690002

@ direktorspi@kemsu.ru

Received 05.04.2018. Accepted 09.06.2018.

Keywords: identity, self-image, sociocultural environment, youth, students.

Abstract: In accordance with the methodology of the constructivist approach, the personal identity manifested as a unique self-image is regarded as a dynamic hierarchical system. Under the approach based on M. Kuhn and T. McPartland's test, we have developed and put into practice a special questionnaire, which allows ranking 16 categories in terms of their importance. These categories reflect social role components of identity in the main spheres of life, thus presenting an individual or a group identity structure as an orderly hierarchy. Based on a sample of 1251 students of various sex, age, nationality, confession, residence and field of study, we have proved that affiliation to a certain social or cultural group influences the hierarchy of identity components. The study has shown that gender and professional affiliation are of highest impact on the significance of identity components, as well as, albeit less substantial, belonging to a particular ethno-religious group and being the resident of a certain region. Sociocultural affiliation in all instances was an important differentiating characteristic, which determined the disparities in significance of the respective basis of the identity in the hierarchy. At the

same time, sociocultural affiliation in most cases had an effect on the importance of less than a half of the other identity components, thus determining the general structure of the identity. In conclusion, gender, educational and professional, ethnic, confessional or regional sociocultural group is a significant social determinant of personal development in the formation of the self-image hierarchy, which underlies the characteristics and structure of one's identity.

For citation: Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A., Pelekh Yu. V., Maslova O. V., Sokolskaya M. V., Sanzhaeva R. D., Monsonova A. R., Dagbaeva S. B., Neyaskina Yu. Yu., Kadyrov R. V., Kapustina T. V. Identichnost' kak dinamicheskaya ierarhicheskaya sistema: sotsial'nyi i kul'turnyi kontekst formirovaniya [Identity as a Dynamic Hierarchical System: Social and Cultural Context of Formation]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 131–140. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-131-140>.

References

1. Erikson E. E. *Identichnost': iunost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. Moscow: Progress, 1996, 344.
2. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior. *Psychology of intergroup relations*. Chicago: Nelson Hall, 1986, 7–24.
3. Brown R. J., Hinkle S., Ely P. G., Fox-Cardamone L., Maras P., Taylor L. A. Recognising Group Diversity Individualist Collectivist and Autonomous Relational Social Orientations and their Implications for Intergroup Processes. *British Journal of Social Psychology*, vol. 318 (1992): 327–342.
4. Razlogov K. E. Metamorfozy identichnosti [Transformations of Identity]. *Voprosy filosofii = Philosophy Questions*, no. 7 (2015): 28–40.
5. Oyserman D., Destin M., Novin S. The context-sensitive future self: possible selves motivate in context, not otherwise. *Self and identity*, 14, no. 2 (2014): 173–188.
6. Jaspal R., Cinnirella M. The construction of ethnic identity: Insights from identity process theory. *Ethnicities*, 12, no. 5 (2012): 503–530.
7. Muravyeva O. I., Litvina S. A., Bogomaz S. A. Sredovaya identichnost': sodержanie poniatii [Environmental identity: the concept content]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Psychology*, no. 58 (2015): 136–148.
8. Belinskaya E. P. Izmenchivost' Ia: krizis identichnosti ili krizis znaniya o nei? [The variability of self: an identity crisis or a crisis of knowledge about it?]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 8, no. 40 (2015): 12.
9. Stefanenko T. G. Izuchenie identifikatsionnykh protsessov v psikhologii i smezhnykh naukakh [Studying of identification processes in psychology and interdisciplinary sciences]. *Transformatsiya identifikatsionnykh struktur v sovremennoi Rossii* [Transformation of identification structures in modern Russia]. Moscow: Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond, 2001, 11–29.
10. Martsinkovskaya T. D. Metodologiya sovremennoi psikhologii: smena paradigmat?! [Methodology of modern psychology: a change of paradigms?!]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 7, no. 36 (2014): 1.
11. Seryy A. V., Yanitskiy M. S. Smyslovye aspekty perezhivaniya krizisa sotsial'noi identichnosti pri vyzhdennoi smene zhiznennoi situatsii [Semantic aspects of the experience of the social identity crisis in the forced change of life situation]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 8, no. 43 (2015): 12.
12. Mazurkevich A. V., Yanitskiy M. S., Seryy A. V. Temporal'nye aspekty transformatsii tsennostnoi struktury samoidentichnosti v usloviyah kardinal'nykh izmenenii zhiznennoi situatsii [Temporal aspects of transformation self-identity value structure in conditions of radical changes in life situations]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 3 (2017): 104–122.
13. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A. Osobennosti ierarhii sostavlyaiushchikh obraza Ia v zavisimosti ot prinadlezhnosti k etnicheskomu bol'shinstvu libo men'shinstvu [Hierarchy of components of Self-image due to belonging to national minority or majority]. *Lurievskii podkhod v mirovoi psikhologicheskoi nauke* [Luria approach in world psychological science]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2017, 154–155.
14. Korolenko C. P., Dmitrieva N. V., Zagoruiko E. N. *Identichnost'. Razvitie. Perenasyshchennost'. Begstvo* [Identity. Development. Oversaturation. Flight]. Novosibirsk: Izdatel'stvo NGPU, 2007, 472.
15. Dmitrieva N. V., Samojlik N. A. *Krizis identichnosti: fenomenologiya perezhivaniya* [Crisis of identity: experience phenomenology]. Novosibirsk: Izdatel'stvo NGPU, 2013, 233.
16. Braun O. A., Arkuzin M. G. Dinamika sistemy identichnosti lichnosti studentov-psikhologov [Dynamics of the system of identity of the identity of students-psychologists]. *Kompleksnye issledovaniya cheloveka: psikhologiya: materialy VII sibirskogo psikhologicheskogo foruma* [Complex researches of the person: psychology: materials VII of the Siberian psychological forum]. Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet, part 1 (2017): 30–33.
17. Rumyantseva T. V. *Psikhologicheskoe konsul'tirovanie: diagnostika otnoshenii v pare* [Psychological consultation: diagnostics of the relations in couple]. Saint-Petersburg: Rech', 2006, 176.